
А. М. ХАЗАНОВ

ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР: ДОЛГИЙ ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ

В статье показано, что важную роль в попытке изменить судьбу Восточного Тимора сыграли внерегиональные державы. Колониальный период в его истории был обусловлен этой попыткой. В 1974 г. Португалия реализовала право Восточного Тимора на самоопределение. Характер этого самоопределения был обусловлен гражданской войной. 7 декабря 1975 г. индонезийские войска высадились в Восточном Тиморе, а в июле 1976 г. он был формально интегрирован в качестве провинции в Индонезию. Индонезийская акция в Восточном Тиморе была классифицирована как проявление агрессии и геноцида. Португалия пожаловалась в Совет Безопасности ООН. Проблема Восточного Тимора породила серьезные трудности в международных отношениях в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Португалия, Индонезия, Восточный Тимор, гражданская война, геноцид, агрессия, ООН, независимость, ФРЕТИЛИН.

С завоеванием Малакки в 1511 г. португальцы получили идеальную базу, с которой они могли развернуть борьбу за господство над южными морями и над торговлей специями (Sena 2001: 95).

Португальцы появились на Тиморе позже, чем на других островах Индонезии. Чтобы его достичь, они должны были проделать долгий путь (от Малакки до Тимора 300 лиг). Это расстояние и нехватка средств задержали «открытие» португальцами Тимора, о чьей славе производителя сандала высшего качества они давно были наслышаны.

Если можно сомневаться, что Антониу де Абреу во время своего путешествия, приведшего к открытию Молуккских островов, видел какие-либо острова архипелага Солор, то не подлежит сомнению, что Тимор появился на первых картах Индонезии, составленных Франсишку Родригешем около 1512 г. (Dicionario... 1994: 1034).

Прибытие португальцев на Тимор датируется 1514 г. Начиная с этой даты португальские суда регулярно посещали данный остров и привозили туда из Малакки ткани из хлопка и металлические изделия (ножи, шпаги, мачете), которые обменивали на сандал, мед и воск (Thomaz 1998: 594).

Подробное описание кругосветного плавания Фернана Магеллана и Себастьяна дель Кано, которые оставил нам Пифагетта, содержит упоминание о том, что португальцы уже побывали на Тиморе с торговыми целями («Мы достигли большого острова в 5 лигах от Малуа» [Пифагетта 2000: 117]) до того, как в 1522 г. остров посетили испанцы. Торговцев из Малакки привлекала на Солоре и Тиморе прибыльная торговля сандалом, главным потребителем которого был Китай. Португальцы последовали примеру китайцев и мусульман (яванцев и малайцев), которые, по крайней мере, с XV в. посещали эти места (Diccionario... 1994: 1034). Есть свидетельства, что во второй половине XVI в. регулярные ежегодные рейсы португальских судов обеспечивали бесперебойную связь между портами на юге Тимора, Малаккой и Макао, откуда сандал поступал в Китай, однако вплоть до 1575 г. на Тиморе не существовало какого-либо постоянного поселения португальцев. Установление постоянного португальского присутствия на этом острове связано не с торговцами, а с миссионерами. Первым португальцем на Тиморе, о котором существует определенное свидетельство, был монах-францисканец Антониу Тавейра, который в 1556 г. обратил в христианство многочисленных туземцев (Thomaz 1998: 594). В 1561 г. первый епископ Малакки доминиканец Жоржи де Лузиа послал в этот район четырех монахов своего ордена, которые обосновались на острове Солор и оттуда систематически проводили миссионерскую работу на соседних островах Адунара, Флорес, Саву и Тимор. Чтобы защитить построенный ими маленький монастырь на Солоре от атак «мавров» (с Явы и Макасара), доминиканцы построили форт. Вначале выбиравшийся доминиканцами комендант форта в конце XVI в. стал назначаться вице-королем Индии или самим королем Португалии.

Будучи в 1575 г. изгнанными «маврами» из Солора, доминиканцы основали миссии на островах Тимор, Адунара, Флорес (Ларантука) и Саву, заботясь также о создании политико-военных

структур, способных обеспечить продолжительность их присутствия. На всех этих довольно густонаселенных островах португальцы вместе с другими торговцами архипелага вели небольшую и нерегулярную торговлю. Появление на сцене голландцев в 1595 г. резко осложнило ситуацию. Их атаки на Тимор, начавшиеся в 1613 г., вынудили португальцев в 1652 г. эвакуироваться на Флорес. Между тем на Тиморе благодаря усилиям доминиканцев были обращены в христианство местные вожди, согласившиеся стать вассалами короля Португалии. Таким образом, остров мало-помалу вошел в португальскую сферу влияния и был административно подчинен коменданту Флореса.

Население подверглось беспощадному истреблению. Все побережье острова было захвачено португальцами, но некоторые племена, оттесненные в глубинные районы, продолжали оказывать сопротивление. Полная картина того, как португальцы истребляли и эксплуатировали тиморцев, никогда не будет восстановлена, так как тиморские архивы были уничтожены японцами во время Второй мировой войны.

В 1646 г. португальцы построили форт в Купанге (остров Тимор). Хотя Тимор административно зависел от Ларантука (Флорес), назначение комендантов Тимора с резиденцией в Купанге сделало последний центром португальского присутствия на этом острове. Но в 1652 г. голландцы, захватив Купанг, вынудили португальцев эвакуироваться в Лифау, в нынешний анклав Окусси. С тех пор Купанг служил базой, откуда голландцы проводили операции, имевшие целью подстрекательство тиморцев к антипортугальским восстаниям (Dicionário... 1994: 1036).

В последней четверти XVII в. два авантюриста из Ларантука – Антониу Орнай и Домингуш да Кошта, узурпировав власть комендантов, обращались с Тимором как со своим феодальным владением, но в то же время успешно сопротивлялись натиску голландцев. Эта ситуация предопределила назначение первых губернаторов Солора и Тимора. Однако первый губернатор был вскоре изгнан неким узурпатором. Второй даже не сумел высадиться на берег. Только в 1702 г. третий губернатор Антонио Коэлью Геррейро сумел занять свой пост и развернул бурную деятельность. Он пытался договориться с голландцами и занялся гражданской, военной

и юридической организацией Тимора, а также интеграцией вождей в колониальную административную структуру через выдачу им официальных патентов (Thomaz 1998: 505).

Один из них был назначен командовать войсками, предоставленными местными вождями. Другие стали комендантами Сервианга и Белуша (то есть западной и восточной половин Тимора). Все вожди стали платить королевский налог («финта»), который позже был заменен подушным налогом (*Ibid.*).

Заклучив соглашения с некоторыми вождями племен, голландцы стали строить на острове постоянные поселения. К концу XVIII в. остров оказался поделенным: Голландии досталась западная часть, получившая название Сервианг (по названию местного княжества), а Португалии – восточная часть, названная португальцами Белуш (от туземного слова, означающего «друг») (Хазанов 1967: 124).

Окончательному разделу острова между колонизаторами предшествовали многочисленные походы португальцев против тиморцев, а также многолетняя португальско-голландская борьба за монопольное обладание островом.

Население Тимора оказывало колонизаторам длительное и упорное сопротивление.

Из всех португальских колоний Тимор был окончательно «замирен» последним. Еще в 1912 г. португальские власти на Тиморе не могли чувствовать себя уверенно, так как им пришлось бы иметь дело с крупным восстанием тиморцев в районе Амбену. Португальский историк Базилиу де Са писал, что вплоть до этой даты история Тимора – это длинная история жестоких кампаний, постоянных волнений, бдительности, сохранявшейся для установления, укрепления и защиты португальского господства на острове (de Sa 1949: 9).

Тиморцы постоянно восставали и при этом проявляли в борьбе с завоевателями столько мужества и героизма, что это не могли не признавать даже португальские историки. Базилиу де Са писал: «Лифау, Мена, Кова, Ан-Тутум, Лаку-Марас, Кайлаку, Манатуту и другие пункты стали аренами мужества туземцев, которые упорно стремились искоренить и затопить в крови само имя португальцев» (*Ibid.*).

По признанию другого португальского историка Афонсу де Каштру, «восстания на Тиморе были непрерывными, так что можно было сказать, что восстание там – нормальное состояние, а спокойствие – исключение» (de Castro 1867: 101)

Особенно крупные восстания тиморцев потрясли остров в 1719–1769 гг. В октябре 1726 г. португальцы осадили крепость Кайлаку, в которой укрывались повстанцы. Несмотря на нехватку воды и продовольствия, повстанцы несколько месяцев героически обороняли крепость. Португальцы убеждали осажденных сдаться, но те (в том числе и женщины с детьми) предпочли смерть рабству и сбросились со скалы на глазах у пораженных врагов. Столь же отчаянно сражались тиморцы и в других районах острова. Некоторыми крепостями португальцам удалось овладеть только при помощи артиллерии. В 60-х гг. XVIII в. повстанческое движение на Тиморе приняло такой размах, что португальский губернатор Менезиш вынужден был в 1769 г. бежать из столицы колонии Лифау в Дили, чем воспользовались голландцы, захватившие Лифау. Несмотря на нездоровый климат, Дили имел ряд преимуществ, в частности располагал превосходным портом. Поэтому он стал новой столицей «португальского» Тимора (Thomaz 1998: 596).

К середине XVIII в. голландцы, продвигавшиеся из Купанга, оккупировали или привлекли на свою сторону все княжества Сервианга, за исключением Окусси и Амбено, которые превратились в маленький португальский анклав в середине вражеской территории.

Продвижение голландцев было остановлено только в Атапупо, который они оккупировали лишь в 1818 г.

Границы владений Голландии и Португалии на Тиморе были определены по договорам 1859, 1893 и 1904 гг. (последний был ратифицирован в 1908 г.) (Хазанов 1967: 125).

В результате долголетних кровавых экспедиций португальцев и португальско-голландских столкновений население Тимора сократилось, а экономическое и культурное развитие территории было парализовано на долгие годы.

Единственное, что интересовало и привлекало португальских колонизаторов на Тиморе, был сандал, торговля которым приносила огромные прибыли. «Именно сандал, – признает португальский

историк Фелгаш, – был причиной многих войн, которые вели португальцы с голландцами и туземцами» (Revista... 1962: 797).

Однако упадок торговли сандалом в начале XIX в. заставил искать новую базу экономической жизни территории в сельском хозяйстве.

Губернатор Алкофорату-и-Соуза (1815–1819 гг.) ввел культуру кофе и пытался также выращивать сахарный тростник и хлопок (Thomaz 1998: 596).

Жозе Мариа Маркиш, которого король назначил губернатором в 1834 г., начал урбанизацию Дили и реорганизацию администрации. В 1844 г. Макао и Тимор были выведены из-под юрисдикции вице-короля Индии. Тимор стал дистриктом Макао, эта ситуация сохранялась до 1894 г., когда Тимор был окончательно отделен от Макао.

В 1896 г. Тимор был объявлен независимой административной единицей (Хазанов 1967: 125). Губернатором был назначен Жозе Селестину да Силва – самый выдающийся из всех губернаторов Тимора. Его губернаторство (1894–1908 гг.) было отмечено кампаниями «замирения», продолжавшимися 12 лет, и административными и экономическими преобразованиями.

Он ввел на Тиморе систему прямого управления через учреждение военных постов. До этого был, по существу, режим протектората: португальское присутствие ограничивалось портами, а во внутренних районах неограниченными правителями были местные вожди.

Провозглашение республики в Португалии (1910 г.) вызвало на Тиморе беспорядки, которыми тотчас же воспользовались голландцы, аннексировавшие анклав Лакумарас и спровоцировавшие последнее крупное восстание в истории Тимора – восстание Мануфахи (1911–1913 гг.), подавленное губернатором Филомену да Камара при поддержке «лояльных» местных жителей.

Когда в 1941 г. японцы вступили во Вторую мировую войну, австралийцы и голландцы, рассматривая Тимор в качестве переднего края обороны против продвигавшейся на юг японской армии, нарушив нейтралитет Португалии, в превентивном порядке оккупировали Восточный Тимор (Урляпов И. В., Урляпов В. Ф. 2005: 38). Это дало японцам предлог для вторжения на Тимор, который

они оккупировали более трех лет (с февраля 1942 по сентябрь 1945 г.) Японское вторжение превратило эту территорию в руины. Тысячи тиморцев были убиты. Португальцы и голландцы были интернированы в концлагерь на Ликиса. Когда японцы сложили оружие, португальцы быстро восстановили свою администрацию на острове. Посланная из Мозамбика экспедиция обнаружила ее уже функционирующей и смогла спокойно вернуться через несколько месяцев (Thomaz 1998: 597).

В 1970-е гг. Восточный Тимор вошел в состав Португалии в качестве заморской провинции (всего в период с 1514 по 1975 г. административный статус острова менялся 19 раз). Он был представлен в Национальном собрании Португалии и имел собственные органы управления: губернатора, законодательный и исполнительный советы (Агеев 2001: 172).

Промышленность Тимора находилась в зачаточном состоянии. Почти вся торговля на острове, как внутренняя, так и внешняя, находилась в руках китайцев. На экспорт шли кофе, копра, воск. Провинция импортировала практически все, что потребляла. В 1970 г. объем экспорта составил 113 000 конто, импорта – 207 000 конто (Там же).

Таким образом, провинция существовала за счет метрополии, перечислявшей в фонд Восточного Тимора ежегодно примерно 100 000 конто (бюджет провинции в 1970 г. составлял 150 000 конто, а ВВП – 489 000 конто, что в пересчете на душу населения составило 822 эскудо) (Там же).

Португальская революция 25 апреля 1974 г. ознаменовала начало нового этапа в истории Тимора. Широкое общественное движение в поддержку демократических реформ в Португалии заставило президента Португалии Спинолу 27 июля 1974 г. признать право народов колоний на независимость. Эти события резко активизировали политическую жизнь Восточного Тимора.

Образовались три политические партии, выражавшие интересы различных социальных слоев провинции. Демократический союз Тимора (УДТ) отстаивал интересы интеллигенции, чиновничества, католического духовенства и вождей, интегрированных в португальскую администрацию. УДТ выступал за автономию Тимора в составе Португалии. Социально-демократическая ассоциация Ти-

мора (АСДТ) под влиянием студентов-марксистов, вернувшихся из Португалии, позже трансформировалась в Революционный фронт за независимый Тимор, выражавший интересы большинства населения Восточного Тимора. Народно-демократическая ассоциация Тимора (АПОДЕТИ) – проиндонезийская организация, выступавшая за присоединение Восточного Тимора к Индонезии (Thomaz 1998: 604–605).

В октябре 1974 г. Восточный Тимор с официальным визитом посетил министр координации Португалии Алмейда Сантуш, а 11 июля 1975 г. был издан закон, определивший сроки действия португальской администрации на территории Восточного Тимора, а также способы осуществления тиморцами своего права на самоопределение: согласно статье 2 этого закона португальское государство передавало Народному собранию, представлявшему население острова, правомочия определить будущее нации (A questao... 1985: 16).

Однако этот план деколонизации не удалось осуществить. События на Восточном Тиморе неожиданно приобрели бурный характер.

11 августа 1975 г. УДТ, подстрекаемый Индонезией и при тайной поддержке некоторых других стран АСЕАН, попытался совершить государственный переворот. Захватив склады оружия и окружив дворец правительства, члены УДТ потребовали изгнания из ФРЕТИЛИН наиболее радикальных элементов и поддерживавших его чиновников и немедленного формирования переходного правительства, включающего представителей УДТ и умеренных элементов ФРЕТИЛИН.

ФРЕТИЛИН предпринял ответные действия. Его члены захватили генштаб и организовали эвакуацию португальских военных и их семей в Австралию. Губернатор бежал на остров Атауро, оставив на Тиморе вакуум власти. На острове началась гражданская война, особенно ожесточенная в Дили. За три дня боев было убито до 3000 человек. Быстро разгромленные ФРЕТИЛИНОм отряды УДТ в сентябре 1975 г. отступили к индонезийской границе, которую они смогли пересечь только после того, как лидеры УДТ согласились на аннексию Восточного Тимора Индонезией (Thomaz 1998: 608).

К концу августа 1975 г. ФРЕТИЛИН контролировал практически всю территорию Восточного Тимора. Лидеры УДТ были арестованы или бежали (A questao... 1985: 17).

Руководители УДТ, АПОДЕТИ и мелких партий, превратившись в марионеток, манипулируемых Джакартой, в октябре 1975 г. объявили о том, что они объединяют свои партии в Антикоммунистическое движение (МАК), борющееся за интеграцию с Индонезией (Thomaz 1998).

28 ноября 1975 г. ФРЕТИЛИН в одностороннем порядке провозгласил независимость Восточного Тимора. Была образована Демократическая республика Восточный Тимор, обладающая Конституцией, органами управления в лице правительства и президента, политической программой и вооруженными силами (A questao... 1985: 17). Президентом ДРВТ стал Шавьер де Амарал. Новая республика была признана лишь несколькими (в основном португалоязычными) африканскими государствами.

Коалиция партий, возглавляемая АПОДЕТИ, обратилась к Индонезии с просьбой о присоединении к ней Восточного Тимора.

В июне 1975 г. португальское правительство организовало в Макао (Аомынь) переговоры о будущем Восточного Тимора, на которые были приглашены представители всех политических сил острова. Лиссабон предложил создать к 1976 г. местную законодательную ассамблею, задачей которой явилась бы разработка конституции и создание временного правительства для проведения плебисцита по поводу самоопределения, который планировался на 1978 г. ФРЕТИЛИН бойкотировал встречу в Макао из-за принципиального несогласия с предлагавшейся метрополией отсрочкой независимости и развернул вооруженную войну. Уже в ноябре Индонезия направила в Восточный Тимор свои войска, которые подавили гражданскую войну самым жестоким образом.

При этом индонезийская армия, вооруженная современным американским и британским оружием, опустошила страну и уничтожила около половины ее жителей. Многие из оставшихся в живых были брошены в концлагеря. Президент и вице-президент ФРЕТИЛИН были казнены в 1979 г.

7 декабря 1975 г. Джакарта аннексировала Восточный Тимор и превратила его в свою 27-ю провинцию (Government... 1975: 15).

Многие страны, в первую очередь Португалия, отказались признать аннексию, ссылаясь на отсутствие волеизъявления коренного населения. Португалия разорвала дипломатические отношения с Индонезией.

ООН никогда официально не признавала Восточный Тимор частью Индонезии. Несколько резолюций ООН обращали внимание на тяжелое положение Восточного Тимора и требовали вывода оттуда иностранных войск для того, чтобы обеспечить самоуправление территории под контролем ООН. Однако существовал разрыв между теорией и практикой. 12 декабря 1975 г. резолюция Генеральной Ассамблеи ООН осудила вторжение Индонезии и призвала к немедленному выводу ее войск. США, Великобритания, Австралия, ФРГ и Франция воздержались, а Япония голосовала против этой резолюции. К тому времени, когда вопрос обсуждался СБ ООН, западные державы узнали о масштабах нарушения прав человека в Восточном Тиморе и поэтому решили поддержать резолюцию, призвавшую «все государства уважать территориальную целостность Восточного Тимора». Однако Международный Суд (юридический орган ООН) отверг иск Португалии, требовавшей признать незаконной оккупацию Индонезией Восточного Тимора.

Стоит особо остановиться на позиции США. Американское правительство, по существу, одобрило незаконную индонезийскую оккупацию Восточного Тимора. Оно смотрело сквозь пальцы на нарушения там прав человека. Более того, оно продало оружия Индонезии более чем на миллиард долларов уже после оккупации ею Восточного Тимора. Президент США Дж. Форд и госсекретарь Г. Киссинджер побывали в Джакарте 5 декабря 1975 г., то есть за два дня до начала индонезийской атаки на Восточный Тимор. Этот визит означал зеленый свет для атаки. По мнению экспертов, если бы у Джакарты не было западного оружия, ФРЕТИЛИН мог бы разгромить вторгшиеся индонезийские войска. Поставки американского оружия Индонезии с 1974 по 1975 г. увеличились более чем в четыре раза (с 12 млн до 57 млн долларов).

Под влиянием «вьетнамского синдрома» Вашингтон в тех условиях стремился поддерживать дружественные отношения с антикоммунистическим правительством Индонезии. В военном плане США были заинтересованы в сохранении доступа для прохода сво-

их атомных подводных лодок вдоль берегов Тимора через глубоководные проливы, соединяющие Тихий и Индийский океаны.

ФРЕТИЛИН эвакуировала свой генштаб в лесистую зону Фату-Беси, где в течение трех месяцев функционировала радиостанция, которая вела передачи на тетум, португальском, английском и малайском языках. Из-за ожесточенного сопротивления отрядов ФРЕТИЛИН продвижение индонезийских войск вглубь территории шло очень медленно. Районный центр Айнаро был оккупирован только 21 февраля 1976 г., а Эсмера – 9 апреля 1976 г. Оккупация административных постов завершилась лишь в 1979 г. (Thomaz 1998: 609).

Джакарта продвигалась к полной юридической интеграции территории с помощью политики «малых шагов». Сначала, заявляя о признании португальского суверенитета над Тимором, она учредила в Дили марионеточное правительство во главе с лидером АПО-ДЕТИ, коллаборационистом в период японской оккупации Арналду душ Реиш Араужу. Затем в присутствии специально приглашенных для этого иностранных делегаций она созвала в Дили «Народную Ассамблею», якобы избранную, а де-факто назначенную оккупационными властями. Эта Ассамблея единодушно попросила об интеграции Тимора в Индонезию 31 мая 1976 г. После того как на оккупированную территорию была послана миссия, чтобы «удостовериться в искренности этой просьбы», и после внесения изменений в Конституцию Индонезии, не разрешавшую интеграцию иностранных территорий, правительство Сухарто объявило 17 августа 1976 г. Восточный Тимор 27-й провинцией Индонезии (*Ibid.*).

Последовали повсеместное насаждение индонезийской культуры, языка, запрет на использование языков тетум и португальского, принудительная отправка детей на обучение в Джакарту, а также массированная индонезийская пропаганда, направленная против ФРЕТИЛИН (Агеев 2001: 176).

Дили была разграблена, в Джакарту были перевезены радиостанция, операционный блок больницы, автомобили, обстановка домов и т. д. На набережной в Дили были расстреляны, «чтобы показать, что станет с теми, кто будет сопротивляться интеграции», 27 мужчин и 32 женщины, произвольно выбранные из толпы (Thomaz 1998: 610).

Во многих селениях взрослые были расстреляны, остались только дети. Лица, не симпатизировавшие идее интеграции, вытаскивались из домов и сбрасывались в море с вертолетов. Помощь, поступающая от Красного Креста, благотворительных организаций и от Джакарты, часто распределялась среди оккупационных войск или продавалась по очень дорогой цене тем, кто был в состоянии ее купить.

Война, голод и неспособность индонезийского правительства организовать снабжение населения товарами первой необходимости привели к катастрофической ситуации. В октябре 1978 г. оккупационные власти официально сообщили, что из 670 270 жителей Тимора, зарегистрированных в результате переписи 1970 г., осталось только 329 271 (Thomaz 1998: 611).

Все эти годы отряды сопротивления ФРЕТИЛИН, укрывшиеся в недоступной горной местности, вели борьбу с регулярными индонезийскими войсками и полицией (Pour, Moerdani 1993: 332). С обеих сторон погибло несколько тысяч человек (Far Eastern... 1981: 16). Лидер освободительного движения Восточного Тимора Шанана Гужмау был схвачен индонезийской полицией в пригороде Дили 20 ноября 1992 г. и приговорен вначале к пожизненному заключению, а затем к 20 годам тюрьмы, где подвергался пыткам (Timor... 1997: 10).

В начале 1998 г. президент Португалии Жоржи Сампайу принял в Лиссабоне лидеров движения сопротивления Восточного Тимора – лауреата Нобелевской премии 1996 г. Рамуша Орта, Ж. Карраскалана и Ж. Л. Гуттериша (Diário... 1998). Вскоре после этого на острове был организован национальный конвент Восточного Тимора, на котором избрали переходное (теневое) правительство, уполномоченное готовить территорию к независимости. Конвент утвердил конституционную хартию, провозглашавшую права тиморцев (*Ibid.*).

Сторонники независимости Восточного Тимора особенно активизировались после вынужденной отставки президента Сухарто в мае 1998 г. Наконец, 5 мая того же года при посредничестве ООН Джакарта и Лиссабон подписали соглашение о проведении референдума, позволяющего населению Восточного Тимора сделать свободный выбор.

После двадцати трех лет аннексии Восточного Тимора Джакартой его коренное население наконец получило право решить: останется ли территория в составе Индонезии в качестве особой автономной области или же станет независимым государством.

30 августа 1999 г. под наблюдением специальной миссии ООН – УНАМЕТ (UNAMET) на Тиморе прошел референдум. Под усиленной охраной полицейских сил ООН и Индонезии, а также под пристальным наблюдением международных обозревателей здесь открылись 200 избирательных участков. Накануне референдума практически на всем Тиморе проходили кровавые стычки между сторонниками статус-кво и желающими полной независимости этой небольшой территории общей площадью 14 615 кв. км.

В бюллетени для голосования было внесено два вопроса: принимаете ли вы особую автономию для Восточного Тимора в рамках унитарного государства Республики Индонезии? Отвергаете ли вы предложенную особую автономию для Восточного Тимора, что приведет к выходу из состава Индонезии (JIAS 2000: 21)?

Вопреки опасениям референдум 30 августа прошел без серьезных инцидентов. По заявлению представителей миссии ООН, в референдуме приняли участие более 90 % избирателей, 78,5 % избирателей высказались за независимость от Джакарты (*Ibid.*).

Когда УНАМЕТ объявила результаты референдума, ясно показавшие нежелание жителей Восточного Тимора оставаться под властью Индонезии, пресса Джакарты обрушилась на них с градом упреков. Она возмущалась неблагодарностью населения Восточного Тимора, для которого Индонезия якобы сделала много добра. Кроме того, под вопрос была поставлена достоверность итогов референдума. УНАМЕТ была обвинена не только в пристрастности, но и в мошенничестве. Встав в позу ревностных защитников демократии, индонезийские власти обвинили Миссию ООН в том, что она слишком поспешно объявила результаты референдума, не подвергнув их тщательной проверке, а проверявших итоги референдума – в том, что они были необъективны, поскольку все являлись сторонниками независимости (Kompas 1999).

Сразу же после референдума Индонезия ввела на территорию Восточного Тимора 15 000 своих солдат, которые учинили там

страшную кровавую резню и погромы. Они убили тысячи людей, сжигали дома, грабили все, что попадалось им под руку.

Президент Индонезии Юсуф Хабиби выступил с неуклюжими объяснениями: он утверждал, что кровавые эксцессы, которые имели место после референдума, якобы были «гражданской войной» между самими тиморцами и что их дома сжигали не индонезийские солдаты, а сами тиморцы перед тем, как бежать из Дили в Западный Тимор. Отвечая на вопросы индонезийской Комиссии по нарушению прав человека, генерал Виранто отрицал какое-либо участие индонезийской армии в насилии: «Морально мы хотели, чтобы победили сторонники интеграции, но мы ничего не предпринимали, чтобы помочь им победить. Конечно, милиция естественно зависела от армии. В некоторых случаях мы вооружили ее. Но она существовала задолго до референдума» (Asiaweek). Индонезийские власти отрицали массовые убийства. Армейская верхушка признала, что число убитых исчислялось сотнями, в то время как епископ Бело заявил, что в ходе сентябрьской резни было убито 10 000 человек. Точную оценку числа жертв этой резни сделать трудно, в частности, и потому, что приблизительно 200 000 восточных тиморцев бежали или были депортированы в Западный Тимор. Нет ничего удивительного в том, что официальные лица Джакарты отвергали термин «депортация» для характеристики массовой миграции тиморцев. Они называли ее «эвакуацией беженцев» с помощью военных. Индонезийская пропаганда уверяла, что люди спонтанно бегут либо в Западный Тимор, либо в горы к югу от Дили, спасаясь от ФРЕТИЛИН.

Джакарта отвергала обвинения в геноциде и цифру в 200 000 беженцев, постоянно называемую ФРЕТИЛИН и португальскими источниками. Реальная цифра, утверждала Джакарта, менее 100 000 беженцев, и она связана не с жестокостями индонезийской армии, а с различными обстоятельствами и прежде всего с гражданской войной в Восточном Тиморе до индонезийского наступления в декабре 1975 г., а также с массовым голодом, вызванным неурожаем 1978 г., когда умерли десятки тысяч людей.

«Нас оклеветали, Индонезия терпит крах», – эти слова часто можно было услышать в Джакарте во время восточнотиморского кризиса в сентябре 1999 г. Общественное мнение в Индонезии от-

крыто выражало свое глубокое разочарование, крушение надежд и бессильный гнев в связи с тем фактом, что население Восточного Тимора отвергло на референдуме 30 августа идею интеграции с Индонезией. Еще большее возмущение в Индонезии вызвало вмешательство миротворческих сил ООН.

Несколько десятков тысяч беженцев оказались в Западном Тиморе, где активно выражали свое недовольство бездействием ООН (Итоги 1999: 28). Мировая общественность пыталась оказать давление на Джакарту, с тем чтобы в Тимор были допущены миротворческие силы ООН. Однако индонезийские власти категорически отказывались от международного вмешательства в любом виде. Между тем представители многих государств обвинили президента Индонезии Юсуфа Хабиби в невыполнении соглашения от 5 мая 1999 г., подписанного ООН, Португалией и Индонезией, согласно которому последняя обязалась обеспечивать мир и безопасность в Восточном Тиморе.

За исключением Австралии и Новой Зеландии, все лидеры говорили о необходимости соответствующего решения СБ ООН и согласия Джакарты на отправку миротворцев. Очевидно, что на Индонезию оказывалось сильное давление: в то время как делегат Джакарты в СБ ООН говорил о том, что приход миротворцев «только ухудшит» ситуацию, а Россия и Китай ясно дали понять в Нью-Йорке, что наложат вето на резолюцию об отправке войск без согласия Индонезии. Экономическое положение Индонезии было не таким, чтобы долго сопротивляться. И Юсуфу Хабиби пришлось дать согласие на отправку миротворцев в Восточный Тимор. В середине сентября 1999 г. Б. Клинтон заявил, что Пентагон мог бы предоставить 600 военнослужащих, но для второстепенных функций – осуществления разведки, связи и т. д.

Тогда же СБ ООН единогласно проголосовал за резолюцию по отправке межнациональных сил в Восточный Тимор (Коммерсантъ-Власть 1999). Поспешность объяснялась во многом тем, что ООН стремилась восстановить свою репутацию и в целом международный правопорядок после катастрофы в Косово, когда роль Совбеза самочинно присвоила НАТО, что привело к ужасающим последствиям.

21 сентября 1999 г. началась миротворческая операция ООН – 7500 миротворцев высадились в Восточном Тиморе (Asiaweek 1999: 26). Она оценивалась в мире как решающая попытка ООН доказать мировому сообществу, что эта организация способна добиться успеха в такого рода начинаниях. Миротворчество не с лучшей стороны показало себя в Руанде в 1994 г., а также в Боснии и Камбодже. И это притом что последние две операции готовились долго, в то время как в Восточном Тиморе была потребность в быстрой, практически мгновенной высадке. ООН обвиняли в том, что ситуация, сложившаяся на острове после референдума о независимости, не была просчитана в Нью-Йорке заранее, хотя Джакарта и предупреждала Кофи Аннана, что референдум, независимо от его исхода, приведет к гражданской войне.

Уже в начале октября 1999 г. Шанана Гужмау, лидер сторонников независимости Восточного Тимора, прибыл в Лиссабон (Diario... 1999). Накануне визита он имел продолжительную встречу с Кофи Аннаном, а также с министрами иностранных дел Португалии и Индонезии.

В октябре 1999 г. Народный консультативный конгресс на внеочередной сессии единогласно одобрил итоги референдума в Восточном Тиморе, а в конце того же месяца последний индонезийский представитель покинул бывшую 27-ю провинцию. Тогда же СБ ООН принял резолюцию о создании Временной администрации ООН в Восточном Тиморе. В качестве переходного правительства под председательством уполномоченного Генсека ООН была образована Национальная консультативная комиссия. 30 августа 2001 г. состоялись выборы в Конституционную Ассамблею. Убедительную победу одержал ФРЕТИЛИН, завоевавший 55 из 88 депутатских мест (Урляпов И. В., Урляпов В. Ф. 2005: 149).

На основе волеизъявления народа было сформировано правительство Восточного Тимора, в котором ФРЕТИЛИН получил 9 министерских портфелей.

20 мая 2002 г. была провозглашена Демократическая Республика Восточный Тимор – Лешти (Восточный Тимор). Первым президентом Восточного Тимора был избран Шанана Гужмау. В конце сентября 2002 г. республика была принята в качестве 191-го члена в ООН.

Литература

- Агеев, Ю. Е.** 2001. *Национально-освободительное движение на Восточном Тиморе – «Мир Лузофонии»*. СПб.
- Итоги.** 1999. 14 сентября.
- Коммерсантъ-Власть.** 1999. № 36. 14 сентября.
- Пифагетта, А.** 2000. *Путешествие Магеллана*. М.: Мысль.
- Урляпов, И. П., Урляпов, В. Ф.** 2005. *Восточный Тимор: тернистый путь к независимости*. М.: Гуманитарий.
- Хазанов, А. М.** 1967. *Политика Португалии в Африке и Азии*. М.: Наука.
- A questao de Timor Leste.** Luanda, 1985.
- Asiaweek.** 1999. October 1. P. 26.
- De Castro, A.** 1867. *As Possesoes portuguezas na Oceania*. Cap. VIII. Lisboa: Imprensa Nacional.
- De Sa, B.** 1949. *Aplanta de Cailoco*. Lisboa.
- Diario de noticias (Lisboa).** 1998. 30.01.
- Diario de noticias (Lisboa).** 1999. 9.10.
- Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses.** Vol. II. Lisboa, 1994.
- Far Eastern Economic Review.** 1981. February 6.
- Government Statement on East Timor.** Question. Jakarta, 1975.
- JJAS Newsletter.** 2000. No 21. February.
- Kompas.** 1999. September 4.
- Pour, J., Moerdani, B.** 1993. *Profile of a Soldier Statesman*. Jakarta.
- Revista militar.** No 11. Lisboa, 1962.
- Sena, T.** 2001. Connections between Malacca, Macau and Siam: An approach towards a comparative study. *Portuguese Studies Review* 9(1–2). Durham, New Hampshire.
- Thomaz, L. F.** 1998. *De Ceuta a Timor*. Lisboa.
- Timor Asia Circular.** Faculdade de Letras. 1997. 25.06.